

УДК 81'373.6 : 811.161

ББК 81.02

Т 46

В.Р. Тимирханов

Имяславская этимология и радикасология

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье предлагается оригинальная интерпретация подходов к сравнительно-историческому анализу соотносительного корневого материала близкородственных славянских и отдаленно родственных индоевропейских языков с точки зрения оценок русской онтологической философии слова (лингвистического имяславия). Автор эксплицирует лингвофилософские позиции имяславия в его подходах к этимологическим процедурам и корневой проблематике в языке в селективную модель корневой лексемы, обладающую надежными объяснительными возможностями.

Ключевые слова:

Имяславие, этимология, радикасология, индоевропеистика, корень, корневое слово, семема.

Сегодня все более актуально для лингвистической науки звучат вопросы об использовании надежных методологических опор и аналитических технологий, выработанных в смысловом пространстве отечественной традиции органически цельного устройства языка, до сих пор лишь фрагментарно востребованной языкознанием, однако содержащей в себе мощный исследовательский ресурс. Сравнительно-историческая индоевропеистика, начиная со времени становления научной этимологии, накопила огромный фактический материал и аналитику, пользуясь авторитетными методами, приемами, процедурами. Но последние десятилетия ставят перед этимологией и лингвистикой корня все новые задачи, связанные с выявлением глубинных «слоев содержания концептов» [1: 48], поиском исходных, древнейших ментальных структур языковых значений, а также указанием на источники и причины эволюции национально-культурного своеобразия языковой картины мира. Так или иначе современная этимология уделяет все большее внимание проблемам интериоризации, поиску внутренних связей, объясняющих генезис общего словарного фонда родственных языков. В этом смысле особый интерес вызывают такие модели, которые способны теоретически обосновать «движущие силы» и механизмы эволюционного развития отдельных семантических групп, рядов лексики, генетически соотносимых слов.

Русское имяславие (в его лингвистической версии) как онтологическая философия слова и традиция изучения синергичного устройства языка предлагает этимологической науке и своеобразное видение проблем внутренней формы слова, отличное от потебнианского, и оригинальный взгляд на внутренние ресурсы языковой семантики, лежащие в основе «судьбы слова» (термин А.Ф.Лосева). Утверждение динамической сущности семемы, высокий энергетический потенциал этимона – те положения, которые позволяют имяславию сформулировать принцип семантической активности слова. Языковая семантика при таком понимании оказывается не только показателем охвата действительности, фиксатором пространства мира и человека, но и показателем участия языка в конструировании этого пространства и его осмыслении.

Остановимся на базовых определениях принципа семантической активности, как его понимает один из идеологов русского имяславия А.Ф.Лосев. Анализируя семантические предпочтения в выборе тех или иных свойств обозначаемого в ряду генетически близких слов, в которых «еще не затемнился исходный корень», ученый

видит в этимологии открытое указание на специфический подход языка к миру реальных вещей: «Словесное обозначение в данном случае проявило огромную семантическую активность, перестроило в известном направлении данное родовое понятие и заставило подойти к объективно существующему предмету только с одной, но вполне определенной и остро-дифференцированной стороны. Подобная активная семантическая направленность языкового знака совершенно исключена в математическом обозначении, которое лишь пассивно следует за процессами мысли, не зависящими ни от каких обозначений» [2: 12]. Возникновение и жизнь языкового значения, его варьирование мыслятся как процесс и результат особых деятельностных тактик коммуникации, понимания и познания, предпринимаемых человеком в силу его языковых возможностей. «...Языковое обозначение исходит не просто из отражения действительности в человеческом сознании или мышлении (этим занимается математика, логика и вообще всякая наука в меру своего развития в данный момент истории), но из чего-то гораздо более сложного и важного, чем отражение, а именно из активного вмешательства в действительность, из активного выбора из нее того, что нужно человеку для общения с другим человеком на том или ином отрезке времени, большом или малом, т. е., иначе говоря, из *коммуникативного использования* действительности и, следовательно, из того или иного ее *переделывания* или *преподнесения*» [2: 12]. Далее А.Ф.Лосев называет формирование знаковости языка «актом интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [2: 96]. Речь идет об интерпретации бытия в языке. Словесное бытие представляется особым типом бытия, наряду с чисто логическим и чисто вещественным. Его суть в имяславии определяется логосным основанием творения. Синергия Бога, человека и языка – вот что определяет способы конструирования мира слов и мира вещей. Семема активна не сама по себе, но и человек в освоении семантического пространства активен не сам. Так возникает понимание синергетики семантической деятельности человека. Важные разъяснения этих положений лингвистики русского имяславия находим в современном православном богословии: «Сочетание волений-энергий Творца и волений-энергий свободных тварных личностей есть синергия» [3: 77]. И далее: «В имени, которое нарекает человек творению, проявлен логос этой вещи – единство Божественной воли и света – энергии, которой держится вещь, а также свободная воля и энергия именуемого человека... Суть языка больше в синергии...: соотношение Божественной и человеческой воли определяет не только результат – синтагму, но и установку – парадигму именованного, которая первоисточно и есть сама синергия» [3: 84].

Именно в этом ключе необходимо понимать специфику языкового значения как сущности, «заряженной бесконечными семантическими возможностями» [2: 123]. Изобразительная интерпретация бытия в языке, с точки зрения имяславского принципа активной семантики, весьма своеобразна. Она и стихийно-хаотична и вполне целенаправленна. При этом подходы языка к миру вещей основаны на извлечении из этого мира всегда чего-либо «частичного и заведомо неадекватного», что, конечно же, углубляет и без того разительные контрасты этимологических решений языков. С одной стороны, мы имеем в языке «разнообразный семантический хаос тех или иных корней или основ», при том что «все эти разнообразные значения одного и того же корня почему-то вдруг все же выражены одним и тем же языковым комплексом с разными его модификациями» - и это свидетельство незримого или явного присутствия некоего инварианта в корневой семантике («этому хаотическому множеству семантики все же принадлежит какой-то хотя бы легкий намек на единство») [2: 77]. С другой стороны, «в этой языковой стихийности есть своя семантическая целенаправленность» [2: 78], устанавливаемая «волениями-энергиями» логосов творения и фиксируемая этимологией и когнитивистикой линиями развития значений слов и культурно-языковых концептов. Внешнее противоречие снимается, если допустить, что механизмы исторического становления слова имеют синергетическую природу. Так, по А.Ф.Лосеву, и следует

обозревать «обширнейшие семантические горизонты», признавая факт «собственной судьбы слова» и его «бесконечной семантической валентности», вечной и творческой подвижности акта мысли, изображаемого языковым значением. «Языковые знаки являются и актами мысли, и актами понимания реальной действительности. Но однажды возникнув из отражения действительности и из теоретического мышления, т.е. став интерпретацией, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои собственные законы, методы или просто навыки и традиции и становятся условно свободными, условно независимыми, условно самостоятельными, так что законы и вообще способы функционирования языковых знаков обладают своей собственной природой, т.е. природой не прямого отражения действительности или мышления о ней, но своего собственного понимания и самой действительности и самого мышления о ней, своей собственной их интерпретации» [2: 102 – 103]. Возможности понимания судьбы слова, «в разных языках бесконечно разнообразной, капризной и логически необъяснимой», могут быть основаны (и для этимологии в том числе) на вычислении семантики корня [2: 102]. Для А.Ф.Лосева, С.Н. Булгакова и П.А.Флоренского корень – это прежде всего «этимон», источник, предтеча всех судеб слова.

В ходе лингвофилософского анализа языка возникает особая зона интересов имяславия, привлекающая в качестве своеобразного самостоятельного объекта исследований особые структурные единицы языка – корневые слова. Если говорить более широко, то корневая проблематика актуализируется не только в связи со спецификой этимологических решений лингвистики имяславия, но и при рассмотрении общетеоретических и методологических вопросов. Апелляция к данным, содержащимся в значении и структуре корня, возникает при обсуждении процесса становления идей бытия в словесную форму и даже утверждения изначального единства человеческого языка.

Имяславие отчетливо понимает, что, несмотря на апофатичность раскрытия тайны слова, невозможность рациональной инструментовки связи смысла и материи, рождаемой в слове, язык должен сохранить неопровержимые, первые и непосредственные свидетельства взаимоотношения мысли и слова. Эти свидетельства должны быть показательными в свете общего устройства языка и потенциально заряженными силой развертывания первоначальной оформленности слова в его последующей языковой жизни. С точки зрения лингвистического имяславия, слова как ментальные сущности возникают раньше любого их употребления. Но первым и в этом качестве единственно возможным для нашего наблюдения условием их бытования являются корневые слова. В них должна проявиться и закрепиться некая изначальная заданность именованного, ссылаясь на которую при всех последующих модификациях и самого этого корня, и образованных на его базе слов сохраняется в дальнейшем как факт первичного соприкосновения энергии мира и языка. Имяславское видение корня сфокусировано на целом ряде существенных принципов, получивших наиболее последовательное освещение в работах С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева.

С.Н. Булгаков, подчеркивая, что именно «изначальное корневое значение» служит основой для образования различных «гнезд и семейств слов и грамматических употреблений», характеризует корневое слово в истоках языковой номинации как некую зачаточную и вследствие этого синкретичную преоформленность: «Такое рудиментарное слово, – ни существительное, ни глагол, – обрубок слова, его туловище, еще не вполне оформлено, чтобы жить полной жизнью, но оно уже родилось как слово, как смысл, как значение, как идея» [4: 18]. Вместе с тем, понимая обязательность оформления любой единицы языка, ученый справедливо считает далее гипотетический синкретизм очевидной условностью, не более чем предположением, относящимся к умозрительной области конструирования словесного значения, и отмечает, что данное мнение «проверено... быть, конечно, не может, по существу же кажется нам сомнительным» [4: 70].

В лингвистике существует немало различных подходов к определению специфики корневых и аффиксальных элементов слова. В имяславии признается единство и

инвариантность значения корневой морфемы в гнезде производных слов, а противопоставленность корня и других морфем основана не столько на ранговых или функциональных характеристиках, сколько на учете структурно-семантического критерия: «Разумеется, ядро смысла слова связано именно с корнем, как показывает сравнение слов одного смысла, но разных оттенков, где остается постоянным и неизменным именно корень. ...С корнями слов... связано ядро смысла, сама идея, остающаяся неизменной во всех словах данного корня и значения, между тем как все остальное имеет лишь оформляющее значение, вносит оттенки... Формальные элементы всеобщие и однообразны, корневые – индивидуальные и своеобразны» [4: 22 – 23]. Поскольку один и тот же исходный корень может получать различное частеречное и комбинаторное оформление при помощи соединяющихся с ним иных морфологических элементов, для обнаружения ясных указаний на этимологическую первичность вершины и вычисления семантического инварианта корня существенно следующее понимание: «...Мы должны отвлечься здесь от морфологии слов, от тех семантических единиц, которыми будет оформлено слово как в том, так и в другом случае, – префиксов, суффиксов, флексий. Все эти частицы лишь выражают уже происшедшую перемену смысла, фиксируют совершившееся его определение, но его не создают, их роль служебная, и видеть в них источник этого определения значит то же, что искать причины высокой температуры в показывающем ее термометре... Словом, этимологическое облачение слова по отношению к нашему вопросу является второстепенным и производным, и мы можем от него отвлечься» [4: 70 – 71].

Близкие взгляды, правда, опираясь на новые аргументы, демонстрирует А.Ф. Лосев, считая, что в «основе корневой морфемы как инварианта и морфологических показателей как вариации» [5: 230] лежит особо понимаемая лингвофилософская категория окрестности. Применение теории окрестности к языку позволяет непротиворечиво представить, каким образом совмещается общее значение языковой единицы и любых ее модификаций, трансформаций в результате обретения внутриязыковых связей и речевых употреблений: «...Каждая реальная структура в языке берется не только самостоятельно и изолированно, но и как возможность бесконечных перевоплощений, как принцип реализации на разных и, притом тоже бесконечных, материалах... Если мы сейчас говорили о твердом и устойчивом основном значении..., то теперь с такой же решительностью мы должны постулировать и бесконечную текучесть..., наличие бесконечного числа разнообразных и разноречивых оттенков вокруг его основного значения» [5: 219 – 220].

Обращение к «корневой» проблематике, наблюдение над языковыми механизмами интерпретации бытия, включенными в процессы формирования семантики корневой морфемы, может быть позитивным при решении целого ряда исследовательских задач, в т.ч. в изучении развития этимологических гнезд слов, в установлении принципов этимологического отождествления состава корнеслова и этимологических коррелятов в языках разной степени генетического родства.

Наиболее точную ссылку на инвариантное значение корня содержит семантика корневого морфа в непроизводном слове, вершине словообразовательного гнезда. Этот семантический вариант является своеобразной креатурой языкового знания о семантическом инварианте корня, которая конструирует однокоренные слова, модифицируя значения корневых морфем в соответствии с линиями судьба слова и выстраивая в соответствии с этим новые наборы их значимостей и функций. Этот семантический вариант можно считать профилирующим еще и потому, что здесь корневая морфема выступает в своей семантически «осязаемой» величине, тогда как в производных словах аффиксы и формативы диссимилируют (скрывают, камуфлируют) инвариантное значение корня.

Структурно-семантическая модель корневого слова может быть применена в целях вычисления семантического инварианта, лежащего в основе этимологического единства

какого-либо лексического подмножества близкородственных языков. Так, изучая славянские лексемы с корневой вершиной *«заднеязычный + плавный + b(p)» и значения возводимых к ней слов гнезда в словарях, можно заметить, что во многих из них имеются семы возвышенности, рельефности, неровности.

Вот несколько примеров, где в качестве заглавных даем общеславянские формы:

**gъrbъ* – общеславянское: словен. *grb* м.р. «гроб», *grba* ж.р. «морщина», диал. *hrba* ж.р. «куча», болг. *gъrbъ* м.р. «спина»;

**gъrbiti(se)*: болг. *gъrbя се* «горбиться», н.-луж. *gjarbis* «делать выпуклыми», польск. диал. «морщить», рус. *горбить* «гнуть», «клонить»;

**gribъ*: болг. *гриб* «гриб», сербохорв. *гриб* (древесная губка), н.-луж. *гриб* «мясной нарост у лошадей», рус. диал. *гриб* «вспухшее место на холке лошадей», «утолщение, наплыв на дереве», *грибы* «губы» (идея бугрения, по мнению ученых, занимающихся фоносемантикой);

**grobница*: болг. *гробница* «могила», рус., ц.-слав. *гробница* «пышная могила», «мавзолей»;

**grebti*: болг. *греба* «гребу», словен. *grebem*, *grebsti* «рыть, копать», чеш. *hrebu*, *hresti* «хоронить»;

**grabiti*: ст.-слав. *грабѣти*, *грабѣмъ* «хватать, грабить», чеш. *hrabati* «скрести», «загрести, рыть», лит. *sagrabas*, мн. «сгретенные в кучу остатки при вязке снопов»;

**grub*: чешск. *hruby* «толстый, грубый», польск. *grubic* «утолщать», лит. *grabus* «грубый, неровный, шероховатый», лтш. *grumbili* мн. «неровности», *grumba* «морщинка», *gramba* «выбоина, колея».

Поиск инварианта среди собранных производных искомой корневой вершины в современном русском языке и их славянских коррелятов позволил определить общую базовую семантику этих слов через идею рельефности, а также основные семантические переходы, определяющие магистральные линии исторического развития синкретичной семантики исходного слова. В славянских языках общеславянская корневая вершина в целом повторяет судьбу родственных им слов в русском языке, потому что они имеют сходные семантические и словообразовательные потенции. Историческая судьба слов с анализируемой корневой вершиной позволяет предположить, что указание на сему рельефности имплицитно присутствует в большинстве исследуемых словообразовательных гнезд, является в ряде случаев ядерной семой, а в случае ее перемещения к периферии структуры словесных значений все равно выполняет роль своеобразной креатуры, свидетельствует для носителей родственных славянских языков факт сходства свойств, ощущений референтов и познавательных актов, лежащих в основе активной семантизации исходного этимона.

Селективная модель корневого слова применена в области контрастивного анализа отдаленно родственных языков. Нами разработана процедура, обеспечивающая оптимизацию и корректное наложение сопоставляемой базисной русской и английской лексики, обоснована гомогенность коррелятивных корневых слов, их синхронная фономорфологическая структура экстраполирована в диахронию.

При формировании контрольных списков словника были учтены такие единицы русского и английского языков, этимологии которых признаются неясными, спорными, либо не отмечаются в словарях, например, рус. *клок* < праславянского **klъkъ* – вероятно, звукоподражательного происхождения из первоначального праславянского интенсификатора **kluk-ta-ti* – англ. *clot* «кусочек; ком, шишка; глыба; сгусток», *clout* «зарплата, пластырь; клочок земли, обрывок, лоскут; чинить, латать» < общегерманского **klut-* < индоевропейского с вариантным расширением **klk-/ *klt-* «колотить, кромсать».

Каждая лексико-семантическая группа представлена своим ядром (семантическая корреляция здесь осуществляется в рамках номинации рубрики) и его периферией (сеть значений здесь устанавливается правилами семантических переходов между рубриками). Так, например, группа «Изображение объектов по признаку целостности (внутреннего

единства)» представлена следующим ядром: *клок* «обрывок, отдельный кусок чего-либо, небольшая, незначительная часть чего-либо; пучок, торчащая прядь (волос, шерсти, травы, и т.п.)» - *clout* «заплата; клочок земли; обрывок, лоскут». *Лом* «ломанные или годные только для переработки (чаще металлические) предметы» - *lame* «имеющий какие-либо дефекты, повреждения; хромой». *Цел* «неразрушенный, непорванный и т.п.; неповрежденный; сохранившийся» - *whole* «весь, целый; невредимый; сплошной», «целое, сумма чего-либо». На периферии слова этой группы соотносятся со словами, корневая семантика которых включает: во-первых, изображение рельефных объектов, образующихся в результате лишения первоначальной целостности какой-либо поверхности (*клок* – *clot* «кусок; ком; глыба; шишка; сгусток»; *scale* «шелуха; накипь» - *щель* «узкое продолговатое отверстие, скважина»); во-вторых, изображение процессов, имеющих отношение к тому, что названо мотивирующим корневым существительным, а именно процессов наделения кого-, чего-либо некоторыми признаками, свойственными тому, что названо корневым существительным (*клок* – *to clout* «чинить, латать»; *лом* – *to lame* «изувечить, сломать»).

Характеристика представленного в данной статье этимологического материала родственных языков показывает, что семантически значение корневой морфемы сохраняет достаточно стабильную структуру и определяет активность исторической судьбы слова на протяжении длительных эпох, выступая в современном языке прямым наследником наиболее древних языковых состояний. Обозначенные выше возможности применения имяславского принципа активной семантики не блокируются этимологическим научным дискурсом, скорее наоборот – придают ему методологическую уверенность и питают его объяснительные силы.

Примечания:

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. 480 с.
3. Прот А. Геронимус. Заметки по богословию имени и языка // Современная философия языка в России. М., 1999.
4. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1998. 448 с.
5. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 2004. 296 с.